ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П. СТУЧКИ

НАСЕЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Под редакцией д-ра экон. наук
проф. П. П. Звидриньша

РИГА «ЗИНАТНЕ» 1986

60.7
Н 311

Авторы:
А. Э. Берзиньш, Э. Қ. Витолиньш, канд. экон. наук Я. П. Витолс, д-р экон. наук П. П. Звидриньш, канд. экон. наук М. А. Звидриня, канд. экон. наук Ю. Қ. Круминьш, А. А. Круминя, канд. экон. наук И. Я. Круминя, канд. экон. наук А. Н. Лапиньш, канд. экон. наук З. А. Матуле, И. Э. Циеминя

Население Советской Латвии / П. П. Звидриньш, Ю. Қ. Круминьш, Э. Қ. Витолиньш и др.; под ред. П. П. Звидриньша. — Рига: Зинатне, 1986. — 256 с.

В монографии дается комплексная характеристика развития населения Латвийской ССР, представлен анализ динамики его численности и состава, детально охарактеризованы процессы естественного движения населения, закономерности и особенности формирования и развития семьи в Латвии в годы Советской власти, освещаются теоретические и прикладные аспекты совершенствования демографической политики. Авторами широко использованы материалы текущей статистики, Всесоюзных переписей населения и социально-демографических обследований.

Книга предназначена для экономистов — демографов, специалистов по трудовым ресурсам и планированию, а также для социологов, историков, всех интересующихся проблемами народонаселения.

Рецензенты: д-р экон. наук проф. *Э. К. Васильева,*
д-р экон. наук проф. *Я. П. Пориетис*

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Академии наук Латвийской ССР от 9 февраля 1984 г.

Петр Павлович Звидриньш,
Юрис Қарлович Круминьш,
Эдвин Қарлович Витолиньш и др.

НАСЕЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

Редактор Г. Смирин. Художественный редактор В. Қовалев. Технический редактор Г. Слепкова. Қорректор Т. Мележик.

ИБ № 2285

Сдано в набор 09.12.85. Подписано в печать 18.08.86. ЯТ 11147. Формат 60×90/16. Бумага типогр. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. 16 физ. печ. л.; 16 усл. печ. л.; 16,38 усл. кр.-отт.; 16,26 уч.-изд. л. Тираж 2000 экз. Заказ № 154, цех № 1. Цена 1 р. 30 к. Заказное. Издательство «Зинатне», 226530 ГСП Рига, ул. Тургенева, 19. Отпечатано в типографии «Циня» Государственного комитета Латвийской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 226011 Рига, ул. Блауманя, 38/40.

Н $\frac{0703000000-109}{М811(11)-86}$ 19—86

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная практика социально-экономического строительства в СССР обусловливает необходимость всестороннего и глубокого изучения эволюции народонаселения и определения перспектив его дальнейшего развития. Уже в материалах XXV съезда ҚПСС подчеркивалось, что «из поля зрения советских ученых не должны выпадать обострившиеся за последнее время проблемы окружающей среды и народонаселения» и что «разработка эффективной демографической политики — важная задача целого комплекса естественных и общественных наук»[1]. XXVII съезд ҚПСС поставил задачу «проводить демографическую политику, полнее учитывающую особенности различных регионов страны»[2].

Знания тенденций и закономерностей воспроизводства населения особенно необходимы для выработки оптимальной стратегии социально-экономической и демографической политики в тех областях жизнедеятельности, которым специально посвящены ст. 35, 42 и 53 Қонституции СССР и ст. 33, 40 и 51 Қонституции Латвийской ССР. Особенно велико значение изучения демографических процессов в условиях долгосрочного социально-экономического планирования.

Сложившаяся в Советском Союзе демографическая ситуация характеризуется значительной территориальной дифференциацией процессов миграции и естественного движения населения. По всей видимости, чтобы правильно их охарактеризовать и успешно регулировать, необходимы детальные исследования специфики этих процессов в отдельных регионах или союзных республиках страны.

Латвийская ССР является республикой весьма специфичной в демографическом отношении. Доля населения республики в населении страны составляет всего 1%, но по характеру развития ряда демографических процессов Латвия может

---

[1] Материалы XXV съезда ҚПСС. М., 1976, с. 73.
[2] Материалы XXVII съезда ҚПСС. М., 1986, с. 273.

Однако было выявлено, что в тех случаях, когда предбрачные знакомства произошли в среде, которая характеризуется определенным постоянством межличностных контактов, а также у партнеров, знающих друг друга с детства, длительность расторгнутого брака была большей, нежели у брачных партнеров, познакомившихся в местах случайного или кратковременного пребывания. Это указывает на определенную роль среды предбрачного знакомства в формировании устойчивой семьи.

Еще более важна длительность предбрачного знакомства партнеров, косвенно указывающая на степень зрелости решения о вступлении в брак. Для контингента расторгающих брак период предбрачного знакомства, как правило, короче, что достаточно убедительно подтверждается материалами наших обследований. 60,5% расторгших в 1969 г. брак супругов знали друг друга менее года, в том числе 37,2% — менее полугода. Продолжительность брака в этой совокупности брачных пар была самой короткой.

Средняя длительность предбрачного знакомства партнеров, расторгших свой брак, составила 1,6 года, что на 0,3 года короче этой длительности для вступивших в первый брак в 1975 г. Важно подчеркнуть, что такое соотношение этих показателей сложилось несмотря на тенденцию сокращения длительности предбрачного знакомства партнеров. Очевидно, длительность знакомства тесно коррелирует с объемом информации, полученной будущими супругами друг о друге до брака, и указывает в определенной мере на степень серьезности подхода к выбору брачного партнера. Из приведенных данных вытекает, что поспешное, необдуманное вступление в брак является одной из причин повышенной неустойчивости заключенных брачных союзов. Разумеется, длительное знакомство до заключения брака само по себе не может быть гарантией того, что брак будет удачным. Об этом говорит хотя бы факт, что каждый десятый из числа разведенных знал свою невесту 3 и более лет. В целом же определенный срок на проверку своих чувств и обдумывание столь важного решения, бесспорно, необходим[21].

Специальное исследование психологических характеристик вступающих в брак в Эстонской ССР показало, что «будущие супруги знают друг друга довольно мало»[22]. Очевидно, такое

---

[21] А. В. Луначарский не случайно одно из условий счастливого брака видел в ожидании и выборе: «...ждать, ждать и выбирать, — ибо хороший длительный брак возможен только тогда, когда люди друг друга любят» (*Луначарский А.* О быте. М. —Л., 1927, с. 77). Конечно, наряду с постепенным вызреванием чувства половая любовь может проявиться и в форме внезапной вспышки. Но во внезапности возникновения «любви с первого взгляда» заключена ее слабость: чувство было разбужено половой привлекательностью, а не основными качествами личности, поэтому проверка чувств, «срок на обдумывание — хорошая проверка случайных и неподготовленных браков» (*Соловьев Н. Я.* Брак и семья сегодня. Вильнюс, 1977, с. 108).

[22] *Koemets E., Tiit E.* Abiellujate psühholoogiline kirjeldus. — In: Perekonnaprobleemid, 2. Tartu, 1975, lk. 83.

положение могло быть выявлено и в Латвийской ССР, причем надо полагать, что расторжению брака более подвержены именно те пары, в которых качества личности друг друга были познаны партнерами слабее всего.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в совокупности разведенных в 1969 г. при вступлении в брак каждая пятая женщина была беременна. Аналогичное положение выявлено и по материалам обследования «Латвия-1983». Такие браки оказываются менее прочными. Можно полагать, что часть их заключалась только по причине возникновения беременности. Следовательно, воспитанию у молодежи ответственности за свои поступки и подготовке молодых людей к супружеской и семейной жизни необходимо уделять особое внимание.

Большой научный и практический интерес представляют исследования по выявлению этнической дифференциации разводимости. К сожалению, этот аспект проблемы советской демографией изучен крайне слабо. По существу, по материалам Латвийской ССР он до сих пор не изучался вовсе.

Нами предпринята попытка изучения роли этнических факторов на материалах госстатистики и специальных обследований. Некоторое представление об общих уровнях разводимости представителей различных национальностей Латвийской ССР может дать сопоставление долей отдельных национальностей в общей численности разведенных, заключивших брак и всем населении республики. Доля латышей среди разводящихся ниже, чем в населении в целом и среди вступающих в брак. У русских положение иное: общий уровень разводимости, судя по данному показателю, заметно выше. Аналогичное явление отмечается и у украинцев. Вычисление специальных коэффициентов разводимости на 1000 человек брачного возраста подтверждает более высокий уровень расторжения браков у этих двух национальностей. Заметно ниже они у латышей и особенно у белорусов. Примерно такой же вывод вытекает из соотношения чисел разводов и заключенных браков за последние годы (табл. 3.9).

Упомянутые различия во многом определяются структурными факторами. Более высокие показатели для русских и украинцев объясняются преобладанием населения этих национальностей в городских поселениях, где уровень разводимости выше. В 1979 г. в городах Латвийской ССР проживало 83% русских и 86% украинцев от их числа в республике. Среди местных литовцев преобладали сельские жители (52%), а соотношение численности латышей в городах и селах — 57:43.

Расчет стандартизованных показателей показывает, что действительные различия в интенсивности разводимости по этническому признаку не столь существенны. Для двух наиболее многочисленных национальностей — латышей и русских — эти различия незначительны. Третья же по численности этническая группа — белорусы — отличается наименьшей интенсивностью

Таблица 3.9

Специальные показатели разводимости населения Латвийской ССР различных национальностей в 1969—1970 и 1979—1980 гг.

Национальность	Приходилось разводов на 1000 лиц в 1969—1970 гг.				Приходилось разводов на 1000 заключенных браков в 1979—1980 гг.	
	мужчины в возрасте 20—29 лет		женщины в возрасте 16—49 лет			
	всего	в том числе состоящие в браке	всего	в том числе состоящие в браке	мужчины	женщины
Все население	17,9	25,7	17,2	26,2	532	
Латыши	16,3	23,5	15,4	24,0	513	504
Русские	20,8	30,5	19,7	29,5	557	570
Белорусы	15,6	21,7	16,5	23,1	463	466
Поляки	17,9	24,5	18,2	27,3	588	511
Украинцы	17,8	24,7	22,9	32,0	549	564
Литовцы	16,2	22,2	16,8	23,4	611	615
Евреи	18,9	25,5	18,3	27,8	540	587
Прочие	21,4	30,7	20,5	31,3	518	552

разводов. Для всех остальных основных этнических групп она высока и существенно не дифференцируется. Следовательно, можно сделать вывод, что нестабильность браков характерна для всех без исключения этнических общностей.

При рассмотрении закономерностей брачности уже отмечалось, что несмотря на сохраняющуюся тенденцию к заключению браков внутри своей этнической общности, динамические сопоставления обнаруживают стабильный процесс роста доли межнациональных браков. Параллельно возрастает также доля смешанных браков в совокупности разводящихся, причем темпы роста последних даже несколько выше, чем темпы формирования гетерогенных браков. В середине 60-х годов доля заключенных браков, в которых партнеры имели различную национальность, составила 32%; среди разводящихся таких было 28%. К 1970 г. эти показатели возросли до 34,1 и 33,1%, а к 1980 г. — до 35,6 и 36,0% соответственно.

Если принять во внимание, что в каждом текущем году расторгаются браки, заключенные преимущественно 4—12 лет назад, то можно сделать вывод, что в совокупности расторгаемых брачных союзов доля межнациональных браков немногим выше, чем она была во время их заключения.

В процессе социализации личности одна из ведущих ролей принадлежит образованию, существенным образом влияющему на ценностные ориентации и интересы личности, проявляющиеся в определенном ее поведении. Взаимосвязь уровня образования

населения с разводимостью в СССР, в том числе и в Латвийской ССР, также изучена недостаточно.

Из данных статистики вытекает, что в союзных республиках с более высоким уровнем образования выше и частота разводов. Такая связь нами была выявлена и в Латвийской ССР путем регрессионного и корреляционного анализа, проведенного по материалам всех наиболее крупных 33 административно-территориальных единиц Латвийской ССР.

Аналогичный вывод вытекает из сопоставления образовательного уровня разводящихся с его уровнем для всего населения трудоспособного возраста. Вряд ли можно, однако, утверждать, что эта зависимость проявляется как всеобщий закон. На образование такой связи оказывает влияние ряд других факторов (тип поселения, характер занятости, возраст и др.), элиминирование которых представляет значительные трудности. Тем не менее следует заключить, что рост образовательного уровня не всегда сопровождается более высокими требованиями к самому индивиду, а зачастую сочетается с потребительской психологией и этикой, «неумением или нежеланием умерить свои эгоистические и честолюбивые интересы, неумением супругов подчинять и сообразовывать свои личные интересы с интересами семьи»[23].

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в совокупности разведенных уровень образования женщин выше мужского, особенно в младших возрастных группах. Уже в обследовании «Латвия-1969» было выявлено, что в 30% случаев у женщин уровень образования был выше и в 16% ниже, чем у мужчин, а в остальных 54% случаев у партнеров он был примерно одинаков. Обследование 1983 г. выявило еще большие различия в уровнях образования бывших партнеров. Такое положение в условиях роста экономической самостоятельности женщин в обществе и семье и увеличения роли межличностных и духовных ценностей в брачных отношениях, видимо, является одной из основных причин супружеского разногласия.

3.5. ПРИЧИНЫ РАЗВОДОВ И ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ БРАКОВ

Задача разработки и реализации программ управления развитием населения обусловливает необходимость глубокого научного понимания сущности развода, причин и условий кризисов в браке. Это особенно важно для тех союзных республик, где устойчивость семейно-брачных отношений слабая.

Объективные причины конфликтов в браке следует искать как в общих противоречиях общественного развития, так и в

[23] *Ворожейкин Е. М.* Вступительная статья. — В кн.: *Павек Ф.* Развод глазами судьи. М., 1976, с. 8.

особенностях развития семьи, в обстоятельствах личностного характера. Опыт уже проведенных исследований показывает, что большинство причин разводов можно выявить внутри самого брачного союза.

Необходимо отметить, что официальная статистика разводов в СССР не дает достаточной исходной информации для изучения причин и условий, ведущих к распаду семьи. Чтобы выявить частные причины, мотивы и поводы разводов, необходимы специальные эмпирические исследования. Три таких исследования были проведены в Латвийской ССР под руководством автора данного параграфа.

Обследованием «Латвия-1969» путем опроса более 2500 разводящихся изучались их мнения о причинах супружеского разногласия. Кроме того, выяснялись мнения об этом работников отделений ЗАГС и судей, выносящих решение о расторжении брака. Обследованием «Рига-1977» была изучена документация 1000 бракоразводных дел. Обследованием «Латвия-1983» повторно путем опроса 1340 разводящихся изучены мнения мужчин и женщин о причинах развода[24].

Конечно, истинные причины расторжения браков могут быть искажены мотивацией бывших супругов и должностных лиц органов ЗАГС или народных судов. Например, супруги не всегда сознают первопричины развода, они нередко необъективны при интерпретации различных фактов. Опрашиваемые стремятся ссылаться на присутствующие в обыденном сознании и одобряемые в их среде причины разводов. Иногда искажение мотивации наблюдается в целях облегчения бракоразводной процедуры. Следовательно, как справедливо отмечает В. А. Сысенко, «мы не всегда имеем дело с истинными причинами разводов, а с защитными мотивами»[25].

Проблема соотношения мотивов и причин разводов очень сложна и в научном отношении мало разработана. На наш взгляд, при массовых обследованиях структура мотивов разводов в принципе с большей или меньшей степенью точности отображает структуру причин разводов. Но мотивацией разводов по существу скрывается достаточно часто встречающаяся легкомысленность вступления в брак, супружеские разногласия по причинам преимущественно физиологического характера, преувеличивается роль материальных условий в брачно-семейных отношениях и т. п. Структуры мотивов разводов различны у мужчин и женщин, различаются также мнения разводящихся и лиц, производящих процедуру развода. Следовательно, мотивы развода нетождественны его причинам, но являются исходными

[24] 96 анкет этого обследования оказались непригодными для разработки материалов по полной программе на ЭВМ, и обобщен материал о 1244 разводах.

[25] *Сысенко В. А.* Устойчивость брака. Проблемы, факторы, условия. М., 1981, с. 144.

Таблица 3.10

Распределение мотивов расторжения браков в Латвийской ССР в 1969 г.

Мотивы разводов	Доля названных мотивов, %	
	мужем	женой
Всего названных мотивов	100,0	100,0
в том числе:		
склонность супруги(а) к алкоголизму	5,9	31,1
неверность супруги(а) или злоупотребление супружеским доверием	25,5	18,7
грубость и бестактность супруги(а)	11,2	16,5
безразличие супруги(а) к общим вопросам семейной жизни, неучастие супруги(а) в общем бюджете семьи	14,7	11,1
неучастие супруги(а) в воспитании детей или разногласия в методах их воспитания	3,2	2,2
материальные трудности, неудовлетворительные жилищные условия	9,7	4,6
частое и долгое отсутствие супруги(а)	4,4	4,2
ревность супруги(а)	6,3	4,0
возрастное или сексуальное несоответствие	5,1	1,9
болезнь, плохое состояние здоровья супруги(а)	2,7	1,1
бесплодие супруги(а)	1,5	0,5
привязанность супруги(а) к прежней семье	0,8	0,9
прочие	9,0	3,2

характеристиками для осмысливания действительных причин разводов.

В табл. 3.10 представлены структуры мотивов расторжения браков бывшими супругами в 1969 г. Распределение названных мотивов мужьями и женами различное. Обычно мотивы связываются с определенными поступками или личными качествами брачного партнера, реже — с объективными, мало зависящими от супругов обстоятельствами, качествами и поступками самого респондента. Лишь 23% мужчин и 5% женщин распад семьи мотивировали какими-либо собственными специфическими отрицательными качествами или поступками (в основном теми, в которых они обвинялись своими брачными партнерами).

Женщины наиболее часто при расторжении брака ссылались на пьянство и алкоголизм мужей (31% из всех названных женщинами ответов), их неверность (19%), грубость и бестактность (17%). Превалирующими мотивами разводов у мужей являются неверность (26%) и безразличие супруги к семейной жизни (15%). Мужчины чаще женщин ссылались на причины материального, медицинского и биологического характера.

По определению судей и работников органов ЗАГС, распад семей по причинам психологического характера встречается чаще, чем указывали сами супруги, а по причинам материального,

биологического и медицинского характера — реже. По их обобщенному мнению, в 56% случаев виновными в распаде семьи были мужья, в 36% случаев распаду семьи способствовало поведение обоих супругов, а в 8% случаев виновными были жены. Аналогичное явление выявлено Верховным судом Латвийской ССР путем изучения 1000 бракоразводных дел республики в 1967 г. (61:35:4), а также исследованием «Рига-1977» (58:38:4)[26].

Среди разведенных в 1969 г. в 38% случаев мужья были признаны виновными по причине злоупотребления алкоголем, в 24 — из-за неверности, в 11 — из-за их безразличного отношения к вопросам семейной жизни, неучастия в материальной поддержке семьи, в 9% — из-за грубости и бестактности. Женщины чаще всего обвинялись в неверности и безразличии к семейным вопросам.

Попытка выявления виновного в каждом случае развода может вызвать определенные возражения, на что указывалось в специальной юридической литературе (Е. М. Ворожейкин и др.). Нельзя некритически воспринять статистически установленный факт очень большого преобладания среди виновных в распаде семьи мужчин. В значительной мере это связано с субъективной оценкой судьями лишь внешних проявлений поступков супругов. Одной из причин такого положения является злоупотребление мужчинами спиртными напитками с сопутствующими явлениями грубости, супружеской измены и др. Конечно, во многих случаях злоупотребление алкоголем или неверность являются следствием семейных неполадок, а не их причиной. Так, А. Спиркин отмечал, что «социологи давно бьют тревогу: ничто так не влияет на рост алкоголизма, как неблагополучие в семье. И обратный процесс: беспробудное пьянство мужа заставляет женщину подавать заявление о разводе»[27].

Обращает на себя внимание, что женщины проявляют бóльшую инициативу при расторжении браков. По данным обследования «Латвия-1969», они вдвое чаще мужчин подавали заявление в разводе. Обследованием «Рига-1977» установлено, что женщины были инициаторами развода в 70% случаев, а в возрасте до 25 лет — даже в 85% случаев. Согласно этим же источникам данных, мужчины чаще не желали развода, хотя судами было установлено, что дальнейшее сохранение семьи нежелательно. Так, по данным первого из названных обследований, мужчины в 12,5, а женщины в 7,1% случаев считали, что для развода нет оснований.

[26] См.: *Звидриньш П.* Некоторые результаты исследования дифференциации разводимости и причин расторжения браков в Латвийской ССР. — В кн.: Социально-демографические исследования семьи в республиках Советской Прибалтики, с. 117.

[27] *Спиркин А.* Семья — семь «я». — Лит. газ., 1978, 1 мая, с. 12.

По-видимому, в результате социально-экономической и нравственной эмансипации женщин происходит постепенное отмирание «двойной» морали в бытовой и сексуальной областях и формирование эгалитарных (равноправных) отношений. Тем не менее еще не полностью преодолено унижающее достоинство женщин поведение мужчин. Очевидно, значение здесь имеет и уже упомянутое обстоятельство, что уровень образования (культуры) мужей очень часто ниже, чем их жен. Такое положение во многом связано с тем, что существующая система заработной платы в различных отраслях не стимулирует рост уровня образования значительной части мужчин.

Одновременно следует указать и на нередко встречающееся искаженное восприятие женщинами их роли в семье, ущемление прав мужей, а это, как отмечает академик Г. Наан, уже не просто эмансипация, а налицо и элементы «эмансипационного экстремизма»[28].

На основе полученного эмпирического материала мы попытались обобщить результаты исследования причин разводов. По нашей оценке[29], пьянство являлось одной из важнейших причин, разрушивших 29% обследованных в 1969 г. семей. В документальном обследовании в Риге в 1977 г. доля этой причины составила сходную величину — 30%.

В 80-х годах потребление алкогольных напитков в республике снизилось. Это, по-видимому, отражается и на структуре мотивов расторжения браков. В обследовании 1983 г. в среднем только в 15% случаев развод мотивировался злоупотреблением алкоголем, тем не менее в мотивации женщин эта причина попрежнему занимает первое место (табл. 3.11). Как и в 1969 г., разведенные женщины в 1983 г. относительно часто ссылались на невежливость и грубость бывшего партнера во взаимоотношениях, что чаще всего отмечалось при злоупотреблении алкоголем одного или обоих партнеров.

Исследование показало, что определенная часть семей распадаются на почве плохих материальных условий, особенно из-за недостаточной обеспеченности жильем. 14% разведенных в 1969 г. проживали в весьма неудовлетворительных условиях: или в общежитии (2%), или отдельно друг от друга (12%). По нашей оценке, доля материальных (финансовых) затруднений в иерархии причин разводов составила 10%. Следует, однако, оговорить, что материальные условия в подавляющем большинстве случаев не являются решающими мотивами вступления в брак[30]. Для

[28] *Наан Г.* Эмансипация, патриархат и «война полов». — Лит. обозрение, 1977, № 9, с. 58.

[29] Она производилась на основе структур мотивов разводов, полученных от мужа и жены, взвешенных по долям виновных в распаде семьи (по определению судей).

[30] Судя по материалам обследований, среди всех ценностных ориентаций (этических, эмоциональных, интеллектуальных и материальных) новобрачных наименьшая роль принадлежит именно материальным (см.: Исследование

Таблица 3.11

Распределение мотивов расторжения браков в Латвийской ССР в 1983 г.

Мотивы разводов	Доля названных мотивов, %	
	мужчинами	женщинами
Всего названных мотивов	100,0	100,0
в том числе:		
злоупотребление алкоголем	7,9	22,7
из них:		
по отношению к себе	3,9	0,2
по отношению к партнеру	4,0	22,5
невежливость, грубость во взаимоотношениях	7,4	17,1
разочарование в характере партнера	10,9	7,8
необъяснимые, беспричинные ссоры	9,8	6,8
супружеская измена	8,0	8,2
из них:		
по отношению к себе	2,7	0,5
по отношению к партнеру	5,3	7,7
любовь к другому человеку	11,3	4,5
исчезновение любви в течение супружеской жизни	8,2	4,2
влияние родителей, родственников	6,0	4,0
сексуальная дисгармония или возрастное несоответствие	7,0	3,4
несоответствие духовных ценностей и жизненных позиций	4,9	3,5
неудовлетворительные жилищные условия	3,6	3,5
частое и долгое отсутствие одного из супругов	3,8	3,4
из них:		
по отношению к себе	3,0	0,7
по отношению к партнеру	0,8	2,7
материальные трудности	1,0	2,7
бесплодие одного из супругов	2,5	1,3
прочие	7,7	6,9

значительной части супругов материальные и жилищные условия со времени заключения брака даже улучшились. Очевидно, в данной группе супругов можно было бы выявить также большее или меньшее несоответствие в духовном общении. В рижском обследовании (1977) доля материальных причин разводов была незначительной — 4%. Практически такой же низкой (5%) она была установлена и по данным обследования «Латвия-1983».

Нельзя преуменьшать также роль сексуальных факторов разводов. В нашем исследовании ссылки на возрастное и сексуальное несоответствие были относительно редким явлением, особенно со стороны женщин. Следует полагать, что при более тщательном разбирательстве обстоятельств эта причина встречалась бы чаще. Супруги нередко стесняются ссылок на интимные отношения. Особенно редки ссылки на эту причину при обоюдном согласии развода.

по качеству брака. Тарту, 1982, с. 12—24; *Голод С.* Социально-психологические и нравственные ценности семьи. — В кн.: Молодая семья, с. 49).

Встречаются случаи развода по причине неудовлетворенного желания иметь своего ребенка. В некоторых случаях желание супругов иметь ребенка в бездетном браке удовлетворяется усыновлением (удочерением). Но в ряде случаев бесплодие является причиной распада семьи.

Согласно данным трех наших обследований, причины преимущественно физиологического характера в общей сумме причин разводов составили 7%.

Обобщая результаты эмпирических исследований, можно сделать вывод, что подавляющее большинство разводов совершаются по причинам нравственно-психологического несоответствия. Очевидно, большая часть разведенных в процессе брачной жизни осознали отсутствие между собой и супругом подлинной любви или ее исчезновение в ходе супружеской жизни. Одновременно следует указать на недостаточные нравственно-эстетические качества значительной части разведенных, а также на легкомыслие. На легкомысленное отношение к вступлению в брак некоторой части молодежи косвенно указывает хотя бы тот факт, что ежегодно большое число официальных заявлений в органы ЗАГС, т. е. обоюдных решений о вступлении в брак, в дальнейшем в течение непродолжительного периода времени пересматриваются самими партнерами.

В статистическом аспекте доля разводов по причинам нравственно-психологического несоответствия, включая неверность, очень велика. По нашей оценке, эта причина была в основе половины разводов. В рижском обследовании доля этих причин составила 54%, а для повторных браков — даже 62%[31]. Следовательно, значительное число браков бывают неудачными из-за потери духовной близости и недостатка эмоциональной культуры.

Данные бракоразводных дел показывают, что мотивы и причины разводов заметно варьируют в зависимости от типа поселения, социального и профессионального статуса, уровня образования, возраста, национальности партнеров, наличия детей в семье и других признаков.

Характерно, что с ростом уровня образования учащается мотивация разводов преимущественно психологическими и физиологическими причинами. У лиц с низким уровнем образования превалирующей причиной расторжения брака является злоупотребление алкоголем. Особенно много разводов из-за этого в сельской местности. Тревожным является факт, что пьянство и алкоголизм мужа как причина развода учащается с ростом числа

[31] Установление интимных отношений с другим партнером в подавляющем большинстве случаев можно рассматривать как финал расхождений внутри супружеской общности, когда один или оба партнера «не утруждают себя более заботами о формировании собственных отношений и укреплении взаимной общности» (*Нойберт Р.* О чем умалчивает статистика. — В кн.: Мы остаемся вместе: Дискуссия о причинах разводов. М., 1977, с. 55).

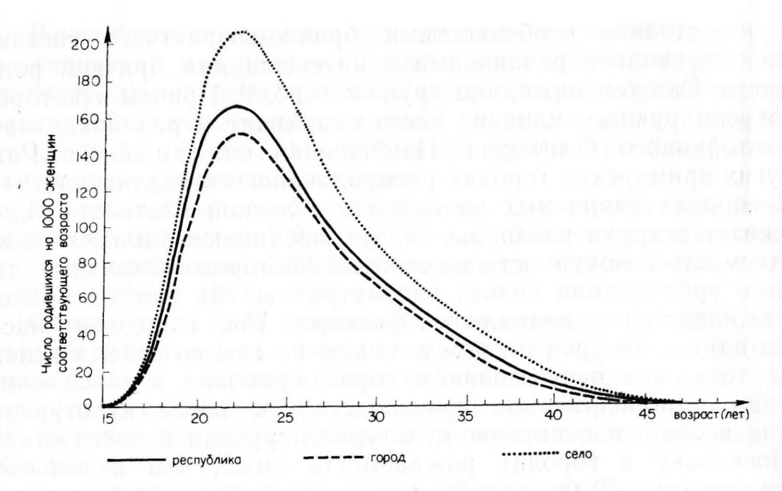

Рис. 5. Повозрастная рождаемость в Латвийской ССР в 1981—1982 гг.

водства за ряд лет конца 60-х и первой половины 70-х годов выше всего были в восточной части, а ниже всего — в центральной. Брачная рождаемость также выше в наименее урбанизованной восточной зоне. Наиболее низкой она была в центральной рижской, а также в центральной южной зонах, причем рассчитанный коэффициент детерминации указывает на то, что большая часть вариации показателей брачной рождаемости в районах и городах республиканского подчинения объясняется степенью урбанизованности района (величиной городов).

4.3. СВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ И РОЖДАЕМОСТИ

Одной из важных задач демографического исследования является выявление влияния на рождаемость отдельных социально-экономических факторов и установление в связи с этим уровней рождаемости, присущих различным слоям населения республики.

Марксистско-ленинская теория народонаселения исходит из того, что в сложном сплетении различного рода факторов, влияющих на воспроизводство населения, главная роль принадлежит факторам, относящимся к способу производства, экономическому развитию народного хозяйства. Разумеется, социально-экономические факторы не могут непосредственно повлиять на число детей в семье, они действуют через сознание (поведение) индивидов. Тем не менее установление характера взаимосвязей условий жизни семей (индивидов) и рождаемости позволяет лучше

осмыслить эволюцию и закономерности рождаемости. Следует также подчеркнуть, что факторы воздействуют на рождаемость не в отдельности, а в комплексе, следовательно, влияние отдельных из них на рождаемость можно рассматривать только как абстракцию для лучшего осмысления механизма воспроизводства населения (рождаемости).

4.3.1. ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

В исследованиях рождаемости вопрос о связи между материальным благосостоянием и рождаемостью является очень давним и неразрешенным. Многочисленные зарубежные эмпирические исследования уже в XVIII—XIX вв. обнаружили отрицательную связь между благосостоянием и числом детей в семье. К. Маркс считал указанную связь закономерностью: «...не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы, т. е. той массе жизненных средств, которой располагают различные категории рабочих»[16]. Представляется, прав В. А. Борисов, утверждая, что К. Маркс допускал действие такой закономерности не только в среде рабочих, но и для капиталистического общества в целом[17]. Уже отмечалось, что относящиеся к периоду буржуазной Латвии данные убедительно подтверждали существование этой закономерности для всего ее населения.

Большое теоретическое и практическое значение приобретает изучение связи между материальным благосостоянием и рождаемостью в условиях социализма.

Влияние материального благосостояния на рождаемость проще всего определяется при изучении данных о доходе. Принципиальное значение здесь имеет выбор показателей материальной обеспеченности. Одним из основных показателей в этой области является доход на душу населения. Правда, этот показатель дает лишь приблизительную картину материального благосостояния семей, так как возраст членов семьи, жилищные условия, расходы и т. п. могут быть весьма различными. Тем более это относится к денежным доходам, на основании которых преимущественно производилось изучение вышеуказанной закономерности.

Данные обследований, проведенных в Латвийской ССР в 60-х и 70-х годах, убедительно свидетельствуют о том, что в семьях

---

[16] *Маркс К.* Капитал, т. 1. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 658. Ряд авторов (*Смулевич Б. Я.* Критика буржуазных теорий и политик народонаселения. М., 1959, с. 22—23; *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР. М., 1965, с. 114 и др.) считали, что указанную закономерность К. Маркс относил лишь к наименее имущим слоям рабочего класса.

[17] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1976, с. 128—129.

с меньшим числом детей душевой денежный доход был выше, самым высоким он был в бездетных, а самым низким — в многодетных семьях. Конечно, если при определении душевого дохода учитывать и новорожденных детей, то вместе с этим привносится некоторое смешение причины и следствия. Поэтому для выявления механизма данной связи нами были проведены расчеты душевых доходов на момент принятия супругами решения иметь ребенка[18], т. е. без учета новорожденного. По данным обследования «Латвия-1967», средний денежный душевой доход в городских бездетных семьях при принятии супругами решения иметь первого ребенка в 1965 г. составлял 84 р., второго — 58, третьего — 41, а четвертого — 30 р. Аналогичная связь проявилась и в сельской местности, хотя здесь отмеченные различия были менее выразительны.

Таким образом, связь между среднедушевым доходом и числом рождений, бесспорно, отрицательная. В этом отношении наши результаты вполне согласуются с результатами большинства других исследований, проведенных в СССР и в других социалистических странах Европы[19].

Взаимосвязь между душевым доходом и средним числом детей в семье, очевидно, двусторонняя. Роль экономического фактора наблюдается при группировке доходов семей в связи с числом детей в них. Доход семей, имеющих троих и более детей, ниже, чем в бездетных или малодетных семьях[20]. Больше детей в тех семьях, в которых уже в первые годы после вступления супругов в брак был более низкий семейный доход. Это преимущественно семьи, в которых работал лишь один из супругов, а также те, в которых у супругов была более низкая рабочая квалификация. Меньший денежный доход в семьях с большим числом детей отмечался и на момент обследования.

Многодетность, очевидно, отрицательно влияет на рост квалификации занятых в общественном производстве. Занятые женщины нередко вынуждены прерывать свое участие в общественном труде в связи с рождением ребенка. При большем числе детей отвлечение женщин из общественного труда в течение длительного времени задерживает рост уровня их образования и квалификации, а следовательно, и повышение зарплаты. Доход мужчин, и особенно женщин, в семьях, в которых трое и более детей, был заметно ниже среднего. Для женщин он понижен уже при наличии в семье двоих детей.

---

[18] В расчетах в качестве интервала между решением иметь ребенка и его рождением был принят 1 год.

[19] См., напр.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости, с. 130—133; *Бодрова В. В.* Народонаселение европейских социалистических стран. М., 1976, с. 53.

[20] Средний доход семей, не имеющих детей, а также имеющих одного или двоих детей, примерно одинаков.

В ходе обследования молодых рижских семей в 1979 г. («Рига-1979») также было установлено, что трехдетные семьи живут в менее благоприятных материальных условиях[21].

Абсолютная величина дохода семьи и душевой доход в большей мере зависят от того, работает ли жена. Фактор дохода поэтому нецелесообразно рассматривать вне связи с занятостью женщин.

Данные показывают, что во влиянии доходов на рождаемость важное место занимает также структура дохода семьи. Значение имеет не только сам факт, что жена работает, но также размер ее заработка и доля его в бюджете семьи. При значительной доле заработка жены в семейном доходе чаще отказываются от повторных рождений.

Сложность исследования взаимосвязи материального благосостояния населения и уровня рождаемости состоит в том, что влияние материальных условий на рождаемость выделить в «чистом виде» не представляется возможным. Интересные результаты были получены по материалам обследования ЦСУ СССР в 1972 г. («СССР-1972»). В республиках с низкой рождаемостью в семьях рабочих и служащих связь между совокупным месячным доходом и рождаемостью по группам образования оказалась различной. Среди женщин с низким уровнем образования эта связь была положительной, а в совокупности женщин с более высоким образованием четкой закономерности выявить не удалось, хотя в общем-то имелись признаки проявления U-образной формы взаимосвязи[22]. Характерно, что и некоторыми другими исследованиями установлена такая же или даже положительная связь[23]. Однако важно подчеркнуть, что во всех этих исследованиях использовался не среднедушевой, а общий доход семьи. Следовательно, речь идет о другой закономерности, проявление которой отнюдь не противоречит сделанному выводу о наличии отрицательной связи рождаемости и душевых доходов.

Обращает на себя внимание тот факт, что, по данным обследования «Латвия-1967», не обнаруживалось четко выраженной связи между желаемым числом детей в семье и доходами мужа или жены. Наименьшее число детей указали женщины, в семьях которых доход (заработок) мужа был низок, наибольшее — где

---

[21] См.: *Андерсон И. А.* Третий ребенок. К вопросу о демографической обстановке и проблемах стимулирования естественного прироста населения в Латвийской ССР. Рига, 1979, с. 20.

[22] См.: Сколько детей будет в советской семье, с. 99

[23] См., напр.: *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения, с. 117; *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Мнения женщин о формировании семьи. — Вестн. статистики, 1968, № 8, с. 31; *Шахотько Л. П.* Уровень рождаемости как функция удовлетворения материальных и духовных потребностей. — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Минск, 1972, вып. 3, с. 85; *Бодрова В. В.* Народонаселение европейских социалистических стран, с. 53.

заработок мужа высокий, а жены — незначительный. При максимальных уровнях заработка жены желаемое число детей выше среднего.

Учитывая вышеприведенное, можно предполагать, что отрицательная связь между душевыми доходами и рождаемостью при социализме отнюдь не проявляется как универсальный закон. Кроме того, установление отрицательной связи еще ничего не говорит о причинно-следственном механизме такой связи.

Сравнивая разные группы населения по уровню их дохода в статике, мы имеем дело с разными уровнями и структурами потребностей и представлений о расходах, которых требует воспитание детей, в значительной степени зависящих от уровня культуры и образования родителей. Поэтому из наличия обратной связи между доходом и рождаемостью нельзя сделать вывод о том, что увеличение доходов само по себе способствует снижению рождаемости. «Рост благосостояния, — писал А. Я. Боярский, — сам по себе не может вести к снижению рождаемости. Ничем нельзя доказать, что если люди начинают жить лучше — пользоваться лучшим жилищем, лучшим питанием и другими условиями, то это якобы должно непременно вести к снижению рождаемости...» Далее А. Я. Боярский подчеркивал, что «уровень рождаемости является результатом сложного взаимодействия ряда факторов», отмечая при этом влияние уровня благосостояния на рост потребностей у пользующихся им людей и направления этого роста[24].

Автор данной главы разделяет точку зрения тех исследователей (В. П. Пискунов, Р. С. Ротова, В. А. Борисов и др.), которые считают, что уровень рождаемости населения зависит не только от фактического потребления, абсолютного уровня благосостояния населения, но и от иерархии самих потребностей и степени их удовлетворения. Анализ лишь фактического потребления, без учета уровня и структуры потребностей, в том числе потребностей в детях, не может дать правильного представления о связи между благосостоянием населения и рождаемостью. Игнорируя это обстоятельство, невозможно разрешить парадокс отрицательной связи.

Сказанное свидетельствует о том, что уровень рождаемости отдельных слоев населения зависит от уровня потребностей и возможностей их удовлетворения. Рост материального благосостояния сам по себе не всегда приводит к увеличению удовлетворения потребностей, так как зачастую одновременно возрастают и сами потребности. Причем реальные потребности в детях могут ослабевать.

Производство национального дохода на душу населения в республике в 1985 г. по сравнению с 1960 г. возросло в 2,3 раза,

[24] Основные закономерности воспроизводства рабочей силы в период развернутого строительства коммунизма. М., 1965, с. 48—49.

а реальные доходы населения увеличились в 2 раза. В этот же период времени специальный коэффициент рождаемости практически не изменился. Следует полагать, что здесь сказывается влияние совокупности социальных характеристик, значительного возрастания потребностей населения. При этом важно подчеркнуть, что по мере развития человеческой личности на первый план выступает «потребность не в вещах или в детях, а в определенной жизнедеятельности», т. е. «более сложные духовные потребности»[25].

При достижении определенного насыщения материальными благами количественный рост материальных потребностей, очевидно, замедляется, но качественное развитие материальных и особенно культурных потребностей практически безгранично. Правы, как нам кажется, те авторы, которые считают, что динамика рождаемости, находясь в определенной зависимости от социально-экономического развития общества, никогда не следует за ним автоматически[26]. Если происходит увеличение степени удовлетворения материальных потребностей, то можно рассчитывать на рост брачной рождаемости. Но в иерархической системе потребностей потребность супругов в детях может вытесняться другими ценностями. Поэтому мы разделяем мнение ученых, считающих уместным поставить вопрос о необходимости научного управления потребностями, воспитания потребителя. Разумеется, это очень сложная проблема, но «разумно организованное общество не может процесс формирования потребностей предоставлять стихийному течению»[27].

При изучении связи между рождаемостью и материальным благосостоянием населения надо учитывать также следующее обстоятельство. При определении душевого дохода как показателя материальной обеспеченности по данным обследования за основу обычно принимаются поступающие в семью денежные доходы (зарплата, пенсия, стипендия, пособие и т. п.). Общеизвестно, однако, что в условиях социализма определенную часть реальных доходов население получает из общественных фондов потребления, роль которых как фактора повышения жизненного уровня населения все более возрастает. В 1983 г. общественные фонды потребления по сравнению с 1960 г. в Латвийской ССР возросли в 4,9 раза, а в пересчете на душу населения — в 4,1 раза[28]. В объеме жизненных средств, необходимых работающему для воспроизводства его рабочей силы и развития личности,

[25] *Кон И. С.* Социология личности. М., 1976, с. 294.

[26] См., напр.: *Аперьян В. Е.* Воспроизводство и трудовые ресурсы в социалистических странах. М., 1976, с. 109—110.

[27] *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР, с. 154; см. также: *Рубин Я. И.* Наше бесценное достояние — дети. Минск, 1978, с. 92—93.

[28] Рассчитано по: Латвийская ССР в цифрах в 1984 г., с. 155—156; Латвийская ССР в цифрах в 1983 г., Рига, 1984, с. 160—161.

общественные фонды потребления занимают примерно $^1/_4$. В исследовании связи между рождаемостью и доходами эта часть доходов должна занимать особое место, поскольку она распределяется преимущественно в зависимости от числа членов семьи, а не по количеству и качеству труда, затраченного в общественном производстве.

Специальное изучение этого вопроса нами было проведено на основании данных статистики бюджетов населения рабочих, служащих и колхозников Латвийской ССР. По показателям за ряд лет установлено, что чем многочисленнее и, в особенности многодетнее, семья, тем больше средств она получает из общественных фондов.

В выравнивании различий реальных доходов семей определенное значение имеет также то обстоятельство, что супруги, имеющие детей, освобождены от налога на одиноких и малосемейных граждан. Несомненно, однако, что семьи, имеющие меньше детей, находятся в лучших материальных условиях. Рождение (воспитание) детей самым непосредственным образом снижает уровень жизни семьи.

По нашим расчетам, в условиях Латвийской ССР затраты общества на содержание ребенка в возрасте до 14 лет включительно в 1970 г. составили в среднем 51 р. ежемесячно. К началу 80-х годов эти расходы в среднем возросли примерно до 60 р. в месяц. Хотя некоторая часть этих затрат возмещается государством, подавляющее большинство их приходится на родителей детей.

Следовательно, можно сделать вывод, что многие супруги сознательно ограничивают размеры своих семей, с тем чтобы не допустить снижения собственного уровня жизни. Существование отрицательной связи между размерами душевых доходов и рождаемостью указывает на несостоятельность оптимистического отношения к эволюции рождаемости — будто рост уровня жизни автоматически приведет к повышению рождаемости. По нашему мнению, определенное противоречие между семейными и общественными демографическими интересами может быть преодолено всяческим содействием удовлетворению социально обусловленной потребности в детях, прежде всего материальным поощрением рождаемости. Без увеличения демографических инвестиций в Латвии не возможен не только рост рождаемости до уровня, соответствующего простому возобновлению поколений, но и немыслимо повышение социального качества будущего населения. Поэтому как в масштабе СССР в целом, так и в Латвийской ССР в начале 80-х годов предприняты меры по материальному стимулированию рождаемости[29].

[29] Подробнее об этом см. в гл. 6.

4.3.2. ВЛИЯНИЕ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ

Жилищные условия наряду с доходами являются важнейшими характеристиками благосостояния семьи. При исследовании рождаемости жилищные условия обычно рассматривают как ее обособленный фактор.

Несмотря на значительное число эмпирических исследований, проведенных в стране с целью изучения связей между жилищными условиями и рождаемостью, до сих пор ученые не пришли к единому мнению о механизме влияния размеров и качества жилой площади на рождаемость.

В настоящее время в Латвийской ССР ощутим недостаток в жилье, особенно в городах. В связи с быстрым ростом городского населения и вследствие военных разрушений средняя обеспеченность населения жилплощадью не достигла довоенного уровня. Общая (полезная) площадь жилищ на одного городского жителя в среднем составляла в 1984 г. 16,5 м² против 17,8 м² на конец 1939 г.[30]

Разумеется, при сравнении обеспеченности жилплощадью в буржуазной и советский периоды нельзя не учитывать различия в дифференциации распределения жилищ по социальному признаку. Тем не менее динамику жилищного строительства в Латвийской ССР нельзя признать удовлетворительной, особенно если учитывать заметное снижение детности. Для сравнения можно отметить, что в целом по СССР городской жилищный фонд в расчете на одного жителя в рассматриваемом периоде возрос более чем в 2 раза.

Темпы роста жилищного строительства за последние годы в городах Латвийской ССР лишь немного опережают темпы роста городского населения, что при быстром росте потребностей населения, естественно, отрицательно сказывается на динамике показателей рождаемости. Исследование этой связи показало, что неудовлетворительные жилищные условия многих семей являются одним из основных факторов, способствующих ослаблению потребности в детях и распространению малодетности. Следует, однако, отметить, что фактор жилищных условий действует на рождаемость весьма противоречиво и, кроме того, тесно коррелирует с рядом других социально-экономических факторов.

Так, по материалам обследования «Латвия-1967» нами установлено, что чем выше была обеспеченность семей жилплощадью, тем больше было детей в семье[31]. Положительная связь между показателями рождаемости и общим размером жилой площади семьи (типом жилища) была обнаружена также в ряде других исследований (в Москве, Горьком и др.).

[30] Латвийская ССР в цифрах в 1984 г., с. 46.
[31] См.: *Шлиндман Ш. И., Звидриньш П. П.* Изучение рождаемости, с. 68.

Таблица 4.11

Средняя обеспеченность семей Латвийской ССР жилплощадью в связи с числом детей в семье в 1967 г., м²*

	Республика в целом		Городские поселения		Сельская местность	
	общая жилая площадь	в среднем на одного члена семьи	общая жилая площадь	в среднем на одного члена семьи	общая жилая площадь	в среднем на одного члена семьи
Все семьи	27,2	8,2	25,7	8,0	31,5	8,7
в том числе:						
бездетные	24,2	11,2	22,6	10,7	29,7	12,9
имеющие детей:						
1	25,5	8,3	24,6	8,1	29,7	9,4
2	29,2	7,3	27,9	7,0	32,2	7,9
3	33,2	6,8	31,9	6,7	34,4	6,9
4 и более	35,3	5,9	33,8	5,5	36,0	6,1
Показатели для многодетных семей в % к бездетным	146	53	150	51	121	47

* *Шлиндман Ш. И., Звидриньш П. П.* Изучение рождаемости, с. 69.

Существенное влияние на связь между числом детей в семье и обеспеченностью жилплощадью оказывает порядок распределения жилищ. В перенаселенной квартире рождение детей — дополнительный шанс на скорейшее получение отдельной квартиры, как правило, с большей площадью. Отчасти поэтому семьи с большим числом детей имеют бóльшую жилплощадь. При расчете в среднем на одного члена семьи отмечается отрицательная связь: бóльшая жилплощадь приходится на одного человека в семьях с малым числом детей (табл. 4.11). Результаты обследования «Рига-1979» вполне согласуются с этим выводом.

Отрицательная связь между рождаемостью и обеспеченностью населения жилплощадью отмечалась в СССР уже в 30-х годах. Академик С. Г. Струмилин, комментируя это, в 1936 г. писал, что дело здесь «не в квартирном просторе или утеснении», а в том, что наиболее просторно живущие группы населения характеризуются повышенными потребностями[32]. Очевидно, что на образовании отрицательной связи между рождаемостью и обеспеченностью жилплощадью сказывается влияние других факторов. Совершенно ясно, что улучшение жилищных условий само по себе не может отрицательно сказываться на рождаемости. Но в проведенных до сих пор исследованиях недостаточно четко элиминировалось влияние других факторов.

[32] См.: *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде. — Избр. произв. в 5-ти т. М., 1964, т. 3, с. 146.

Таблица 4.12

Рождение детей в связи с улучшением жилищных условий семей по городам Латвийской ССР, %

Порядковый номер ребенка	Родилось			
	всего	в том числе		
		до улучшения жилищных условий	в год улучшения жилищных условий	после улучшения жилищных условий
Первый	100	49,4	15,3	35,3
Второй	100	30,9	18,0	51,1
Третий	100	28,0	24,7	47,3

В СССР лишь в последние годы предприняты попытки разработать обобщающие показатели жилищных условий, учитывающие также их качественную сторону. Перспективным представляется изучение рождаемости в связи со степенью удовлетворения качеством жилищных условий.

Наше исследование связи между жилищными условиями и рождаемостью позволяет сделать вывод, что недостаточная обеспеченность жилплощадью сдерживает интенсивность рождаемости. Нередки случаи откладывания браков и инфертильности по причине неудовлетворенностью жилищными условиями.

Специальное исследование позволило нам выявить, что на рождение первого ребенка жилищные условия влияют в значительно меньшей степени, чем на рождения второго и третьего, которые чаще рождаются после улучшения жилищных условий (табл. 4.12). Сказывается, очевидно, боязнь супругов оказаться при рождении второго или третьего ребенка в худших жилищных условиях.

Существующая система распределения жилплощади дает определенные преимущества семьям с детьми, но не учитывает перспективы развития семьи и тем самым сдерживает рождаемость. Можно предположить, что чаще всего откладывание рождения детей по этим причинам отмечается у супругов с более высоким уровнем культуры и образования, которые острее реагируют на различного рода ухудшения в уровне жизни.

По данным обследования молодоженов («Латвия-1975») $^1/_4$ брачных пар после заключения брака имели крайне неблагоприятные жилищные условия, из них 8% были вынуждены временно проживать раздельно, что отрицательно сказывается и на прочности браков. Такое положение было отмечено и в

других союзных республиках. Поэтому среди мер демографической политики, предусмотренных XXVII съездом КПСС, намечены льготы по улучшению жилищных условий молодоженов. В Латвийской ССР с 1983 г. в 20 районах лицам, впервые вступающим в брак до 30 лет, установлены преимущества в получении жилья.

Важно отметить, что семьи с большим числом детей, имеют квартиры менее благоустроенные. Такое положение отрицательно сказывается на воспитании и здоровье детей. Наиболее благоустроены квартиры, в которых проживают семьи с одним ребенком. Это явление общее для больших и малых городов, а также и сельской местности. Сказанное является подтверждением того, что жилищные потребности малодетных респондентов отличаются от потребностей многодетных. Очевидно, различны также возможности удовлетворения их жилищных потребностей.

Заслуживает внимания вывод П. Хярмсона и Ю. Лутсар, считающих, что рождаемость во многом зависит от плотности заселения и характера застройки городов[33]. Следует указать и на значение структуры квартир, особенно в городах. Отсутствие многокомнатных квартир, рассчитанных на среднедетные и многодетные семьи, ухудшает условия развития молодых семей и усиливает установки на малодетность.

4.3.3. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ ГРУППАМ И ВЛИЯНИЕ НА РОЖДАЕМОСТЬ ХАРАКТЕРА ТРУДА

Общеизвестно, что в капиталистическом обществе существенным фактором рождаемости является социальный статус родителей. Сохраняются различия в рождаемости по общественным группам и в условиях социализма, в том числе в Латвийской ССР.

Общие коэффициенты рождаемости наиболее высокие у служащих, наименьшие — у колхозников. Фактически же интенсивность деторождения выше всего у колхозников, а наименьшая — у служащих[34]. Об этом свидетельствуют различные специальные (стандартизованные) показатели рождаемости (табл. 4.13). Хорошим индикатором уровня рождаемости, на наш взгляд, является распределение родившихся по очередности их рождения. Большинство родившихся у служащих — это первенцы, а доля третьих и последующих детей очень низка. У колхозниц же более $^2/_5$ родившихся — третьи и последующие дети. Средняя очередность рождения в 70-х годах колебалась у рабочих около 1,7, у служащих — 1,5, а у колхозниц — от 2,6 до 2,8.

[33] *Лутсар Ю. Р.* Основные градоэкономические требования при планировке новых жилых районов городов Эстонской ССР. Вильнюс, 1973, с. 16—19; *Härmson P.* Linn, inimene, loodus. — Eesti loodus, 1970, N 10—12.

[34] Противоположная картина по общим коэффициентам обусловлена лишь особенностями демографических структур населения трех основных общественных групп, а частично — и дефектами статистического учета населения.

Таблица 4.13

Уровень рождаемости населения различных общественных групп в Латвийской ССР в 1969—1970 гг.*

Показатели рождаемости	Общественная группа			Соотношения показателей в % для		
	служащие	рабочие	колхозники	рабочих и служащих	колхозников и служащих	колхозников и рабочих
Общий коэффициент, ‰	20,3	12,6	10,0	62,1	49,3	79,4
Специальный коэффициент в расчете на 1000 женщин в возрасте 20—44 лет	67,1	73,8	81,7	110,0	121,8	110,7
Число детей в расчете на 1000 матерей (1970 г.)	1420	1552	1787	109,3	125,8	115,1
в том числе:						
по городам	1393	1470	—	105,5	—	—
по селам	1553	1746	1801	112,4	116,0	103,2

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения, 1970 г. М., 1973, т. 5, с. 30—31; М., 1974, т. 7, с. 447; ЦГАОР ЛатвССР, ф. 277, оп. 14.

По нашей оценке, эти величины примерно соответствуют суммарной рождаемости условного поколения соответствующих общественных групп населения. Таким образом, у колхозниц рождаемость заметно выше, чем у рабочих и особенно у служащих.

Более точные характеристики интенсивности деторождения нами были получены по материалам ряда выборочных обследований. Они достаточно убедительно свидетельствуют о существовании вышеуказанной закономерности. Разница в уровнях брачной рождаемости по общественным группам не случайна, что подтверждают полученные значения критерия Стьюдента. Эти различия более существенны при раннем вступлении в брак. Многодетность наблюдается в основном среди женщин-колхозниц.

Различия в уровнях брачной рождаемости по общественным группам обусловлены не только материальным и культурным уровнями, но и условиями труда, структурой свободного времени, кругом интересов супругов. Отчетливо проявляется дифференциация рождаемости по таким признакам, как характер занятости и профессия супругов.

Рождаемость у неработающих женщин (занимающихся только домашним хозяйством) выше, чем у занятых в общественном хозяйстве. Очевидно, женщины, занятые преимущественно в домашнем хозяйстве, отличаются своими социальными качествами от женщин, которые больше заинтересованы в развитии

Таблица 4.17

Национальность супругов, вступивших в брак в Латвийской ССР в 1959 г., и среднее число детей в семье на момент обследования

Национальность супругов	Республика в целом		Городские поселения		Рига		Сельская местность	
	жена	муж	жена	муж	жена	муж	жена	муж
Все население	1,39		1,29		1,19		1,68	
Латыши	1,41	1,43	1,28	1,30	1,18	1,16	1,65	1,66
Русские	1,37	1,33	1,29	1,27	1,19	1,21	1,80	1,71
Белорусы	1,42	1,40	1,36	1,31	1,29	1,25	1,66	1,70
Поляки	1,34	1,41	1,21	1,24	1,33	1,11	1,83	2,25
Украинцы	1,33	1,25	1,32	1,22	1,19	1,30	1,63	1,70
Литовцы	1,55	1,61	1,38	1,48	1,30	1,19	1,83	1,85
Евреи	1,16	1,18	1,15	1,18	1,14	1,15	...*	...*
Эстонцы	1,30	1,25	1,25	1,31	...*	...*	...*	...*

* Обследованы менее 10 супругов.

Межнациональный брачный союз обычно ломает прежний этнический быт одного из супругов, ведет к взаимопроникновению культур, обычаев и традиций, поэтому важно установить, существуют ли различия в уровнях рождаемости однонациональных и межнациональных браков. Особенно необходимы эти знания при прогнозировании рождаемости. Подробнейшее исследование этого вопроса было нами проведено по материалам обследования «СССР-1967»[48].

В смешанных в национальном отношении браках рождаемость в среднем была на 6% ниже, чем в однонациональных браках. Эти различия были обусловлены структурными факторами, поскольку для отдельно взятых наиболее многочисленных шести национальностей Латвийской ССР эта закономерность не проявилась.

По материалам обследования «Латвия-1968» нами установлено, что как по всему населению республики, так и по русскому и латышскому населению в отдельности (стандартизованному по уровню образования) в национально гомогенных браках женщины чаще имели отрицательное отношение к рождению следующего ребенка, нежели в гетерогенных браках.

Доля родившихся в межнациональных браках несколько ниже, чем доля таких браков, заключенных в том же году. Это косвенно якобы свидетельствует о том, что рождаемость в межнациональных браках ниже, чем в однонациональных. Следует,

[48] Всесоюзное обследование доходов и жилищных условий рабочих и служащих в 1967 г., в ходе которого у женщин были получены также сведения о родившихся у них детях (в Латвийской ССР обследованы 3200 женщин).

однако, иметь в виду, что большинство родившихся относятся к бракам, заключенным несколькими годами раньше, когда доля смешанных браков была ниже. Кроме того, определенное влияние на общереспубликанские показатели оказывают структурные факторы (доля гетерогенных браков в городах выше, а рождаемость ниже, чем в селах). Следовательно, различия в уровнях рождаемости межнациональных и однонациональных браков в действительности незначительны.

Из проведенного исследования вытекает, что этнический фактор хотя и оказывает определенное влияние на показатели рождаемости, однако на современном этапе этническая дифференциация рождаемости в Латвийской ССР уже незначительна. Минимальны различия в рождаемости у двух самых многочисленных национальностей республики — латышей и русских. Определенные различия в уровнях рождаемости малочисленных национальностей определяются не столько этнической спецификой, сколько дифференциацией других социально-экономических условий (место проживания, характер занятости и др.).

4.4. ИЗУЧЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В современной демографии общепризнанно, что социально-экономические условия воздействуют на рождаемость опосредованно, через общественное сознание. Разумеется, этим отнюдь не отрицается определяющая роль материальных условий в формировании того или иного уровня рождаемости, однако, как справедливо отмечают В. А. Белова и Л. Е. Дарский, «механизм воздействия базиса на демографические процессы не может быть понят без детального анализа элементов надстройки, являющихся промежуточным звеном первостепенной важности»[49].

Многочисленные исследования рождаемости, в том числе предпринятые автором настоящей главы, свидетельствуют, что подавляющее большинство рождений — это результат сознательного волеизъявления женщин (супругов). Поэтому при исследовании рождаемости очень важное значение приобретает изучение субъективных факторов рождаемости, изучение мотивов и установок репродуктивного поведения индивидуумов, их гармонии в брачном союзе. Под термином «репродуктивное поведение» мы понимаем разновидность социального поведения — систему действий и отношений человека к вопросам деторождения[50], причем считаем, что репродуктивное поведение

[49] *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, М., 1972, с. 6.

[50] По-видимому, впервые сходное определение было сформулировано В. А. Борисовым (см.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости, с. 16). Некоторые советские ученые (Р. И. Сифман, В. А. Сысенко и др.) предпочитают пользоваться термином «генеративное поведение», причем ряд авторов (В. С. Стешенко, В. П. Пискунов и др.) термин «генеративное поведение»

в целом определяется установкой на наличие детей в семье. Следовательно, чтобы понять механизм репродуктивного поведения, следует изучить как результаты поведения, т. е. внешние проявления (факты), так и установки человека, его отношения к репродуктивному циклу, сложившиеся ценностные ориентации и мнения, а также планы на будущее.

В настоящее время в СССР уже накоплен определенный опыт проведения эмпирических обследований мнений различных категорий населения по вопросам рождаемости. Причем одни из первых исследований были организованы в Латвийской ССР еще во второй половине 60-х годов. За последние годы углубились разработки по социологическому и социально-психологическому анализу тенденций рождаемости и репродуктивного поведения личности и семьи (А. И. Антонов, В. В. Бойко и др.)[51]. На стыке демографии, социологии и социальной психологии разрабатывается специальная социологическая теория — социология рождаемости, изучающая социально-экономическую обусловленность эволюции интенсивности рождаемости через изменения репродуктивного поведения личности и семьи, а также закономерности дифференциации рождаемости.

Значительный интерес для науки и практики представляют мнения супругов репродуктивного возраста об ожидаемом, желаемом, планируемом и идеальном числе детей в семье и те факторы, которые влияют на формирование этих мнений. Такие сведения могут быть использованы при перспективных демографических расчетах и при разработке научно обоснованной демографической политики в стране.

Исследование мнений самих супругов в отношении формирования семей особенно целесообразно в условиях низкой рождаемости. Когда супруги сознательно планируют развитие семьи, искренне высказанные ими мнения в большей мере, чем в условиях нерегулируемой рождаемости, соответствуют действительному их поведению. Разумеется, существует проблема искренности респондентов. При хорошо организованном обследовании подавляющая часть респондентов, как правило, доброжелательно относятся к задачам исследования. Тем не менее при анализе материалов обследований мнений возможность неискренних ответов, как и репрезентативность выборок, должна учитываться.

Наше исследование, основанное на массовом обследовании мнений замужних женщин, показало, что только небольшая их часть не имели достаточно четкого мнения об идеальном и желаемом числе детей в семье[52]. Экспериментальным обследованием студенчества в 1978 г. было выявлено, что среди состоящих в браке студентов неопределенных ответов, в частности на эти вопросы, было меньше, чем среди не состоящих в браке. Следует полагать, что такое же положение характерно для всего репродуктивного контингента.

В нашем исследовании для изучения желаемого числа детей каждой замужней женщине одновременно задавалось 4 вопроса: 1) Желает ли опрашиваемая иметь еще детей или вообще иметь детей, если их пока нет? 2) Когда опрашиваемая собирается реализовать свое желание (сейчас, через некоторое время, не думала), сколько детей (включая уже имеющихся)? 3) Если не желает (или желает через некоторое время), указать причины. 4) Каково мнение мужа о желании или нежелании иметь детей?

В современной научной литературе чаще всего вопрос о желаемом числе детей предполагает установление того числа детей, которое респондент хотел бы иметь в своей семье, если бы ничто не мешало осуществлению его желания, т. е. без учета конкретных условий жизни. Нами же предполагалось изучение желаемого числа детей в конкретных условиях. В последние годы это обычно практикуется при опросах об ожидаемом числе детей. В отличие от ряда наших прежних работ[53], где ответы на второй вопрос обобщались в показателе «желаемое число детей», в настоящей работе эти данные в целях лучшей их сопоставимости с другими трактуются как «ожидаемое число детей»[54].

Мнения обоих супругов относительно размеров своих семей в основном (в 77% случаев) совпадали[55]. В 23% обследованных семьях супругами после 8 лет совместной жизни не было достигнуто гармонии в вопросе о желаемом размере своей семьи, т. е. муж и жена имели разные репродуктивные установки. Мужчины несколько чаще, чем женщины, относились положительно к рождению следующего ребенка. Наши последующие обследования (1975, 1978 и 1979 гг.) подтвердили, что в целом нормы детности у мужчин несколько выше, чем у женщин. Это косвенно было подтверждено и материалами выборочного обследования городского трудящегося населения, организованного специалистами

понимают значительно шире. Представляется, что термин «репродуктивный» в этом отношении более удачен и не вызывает терминологических проблем. Расширительное понимание «репродуктивного поведения» присуще А. Г. Вишневскому, сохраняющему лишь за «прокреативным поведением» направленность на рождение детей (см.: *Вишневский А. Г.* О мотивационной основе рождаемости. — В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979, с. 129—131).

[51] См.: *Антонов А. И.* Социология рождаемости. М., 1980; *Бойко В. В.* Малодетная семья. Социально-психологическое исследование. М., 1980.

[52] Здесь и в дальнейшем, где это особо не оговорено, анализ ведется по материалам обследования «Латвия-1967».

[53] См., напр.: *Звидриньш П. П.* Динамика и демографические факторы рождаемости в Латвии. — В кн.: Вопросы демографии, с. 252; *Шлиндман Ш. И., Звидриньш П. П.* Изучение рождаемости, с. 120—125; и др.

[54] Следует, однако, учитывать, что при разработке материалов по вышеуказанному второму вопросу имеющиеся сведения о бесплодии не учитывались. Следовательно, значения среднего ожидаемого числа детей, полученные по ответам на этот вопрос, завышены в ответах женщин, не знающих о бесплодии своего брака.

[55] Мнение мужчин о желании или нежелании иметь детей сообщали женщины (ответы на четвертый вопрос вышеуказанного перечня). Следовательно, полученные ответы нельзя трактовать как непосредственные мнения мужчин, поскольку они преломлялись через сознание их жен.

Института экономики АН Латвийской ССР в трех городах республики (Рига, Екабпилс, Кулдига) в 1978—1979 гг.[56] Из этого вытекает, что потребность мужчин в детях не удовлетворяется полностью. Вместе с тем нередки случаи, когда инициатива ограничения рождаемости принадлежит мужьям. Так, в 15% семей, где женщины имели желание завести еще одного ребенка, мужья, по оценке их жен, относились к этому отрицательно или не имели определенного мнения. Следует, однако, отметить, что одновременные опросы мужей и жен, а также исследования взаимоотношений в семье по поводу репродуктивного поведения в условиях Латвийской ССР пока не проводились. Такого рода исследования находятся в начальной стадии также в СССР в целом.

У 62% опрошенных женщин ожидаемое число детей совпало с уже имеющимся, следовательно, они считали формирование своих семей законченным. Среднее число детей в этих семьях составляло: в городах — 1,52, в селах — 1,97, что значительно выше, чем среднее число детей у всех обследованных. Все же эти показатели следует признать низкими и недостаточными для возобновления поколений.

Из числа женщин, не желающих иметь больше детей, 7,5% вообще не имели детей, 34,5 имели одного ребенка, 47,7 — двоих, 7,8 — троих и только 2,5% имели четверых и более детей.

Желание рожать детей на момент опроса в большой степени зависит как от возраста матери, так и от числа уже имеющихся детей, т. е. от степени реализации своих потребностей в детях. Основную массу желавших иметь детей в дальнейшем составляли женщины, имеющие одного ребенка или вовсе не имеющие детей. Это желание ярче выражено у более молодых женщин. Женщины, имевшие на момент обследования двоих и более детей, в подавляющем большинстве случаев не выражали намерения иметь больше детей, так как их потребности в детях уже были реализованы.

Среднее ожидаемое число детей в семье у опрошенных женщин в 1966—1967 гг. равнялось 1,78, среднее идеальное — 2,12. По сравнению с аналогичными данными в других союзных республиках и зарубежных странах, где примерно в то же время проводились подобные опросы, показатели Латвийской ССР были относительно низкими[57]. Сопоставление упомянутых показателей, несомненно, условное, так как обследуемые контин-

[56] См.: *Гоша З. Ж.* Фактическое и желаемое число детей в семье в Латвийской ССР, с. 28.

[57] См., напр.: *Пресса Р.* Идеальное и фактическое число детей. — В кн.: Рождаемость и ее факторы. М., 1968, с. 110; *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 72—73; Фертильность и регулирование размера семьи в Европе в 70-е годы: сравнительный анализ двадцати национальных обзоров. Нью-Йорк, 1976, с. 239. (ООН); *Glass D. V.* Recent and prospective trends in fertility in developed countries. — Philosophical transactions of the Royal society of London, vol. 274, N 928, p. 35.

Таблица 4.18

Распределение женщин Латвийской ССР по идеальному и ожидаемому числу детей в семье

Число детей в семье	Доля женщин, назвавших данное число детей, %					
	идеальным			ожидаемым		
	республика в целом	городские поселения	сельская местность	республика в целом	городские поселения	сельская местность
0	0,7	0,8	1,0	5,5	5,7	5,0
1	7,7	8,3	6,0	25,6	29,2	15,8
2	73,3	78,0	59,8	56,9	57,9	54,0
3	15,6	11,5	27,1	9,6	6,1	19,1
4 и более	2,6	1,4	6,1	2,4	1,1	6,1
Всего	100	100	100	100	100	100
Среднее число детей	2,12	2,05	2,33	1,78	1,68	2,07
Энтропия распределений	1,224	1,078	1,510	1,650	1,528	1,819
Относительная энтропия ($n=5$)	52,7	46,4	65,0	71,1	65,8	78,3

генты, а также методика этих исследований и формулировки вопросов не были одинаковыми. Но вывод о том, что соответствующие показатели по Латвийской ССР ниже, чем в других союзных республиках, подтверждают также данные трех всесоюзных обследований, проведенных во всех республиках по единой программе в 1969, 1972 и 1978 гг.[58] Следовательно, можно сделать вывод о том, что характеристики социальных норм[59] детности в Латвийской ССР ниже, чем по стране в целом и в других союзных республиках.

Данные нашего обследования «Латвия-1967» свидетельствуют о том, что наиболее распространным идеалом является семья с двумя детьми. Двухдетную семью идеальной назвали 78% городских и 60% сельских женщин. Определенная часть женщин следовать своим представлениям не собирается, предполагая ограничиться меньшим числом детей в семье. 18% женщин имели

[58] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 102; Сколько детей будет в советской семье, с. 102; Воспроизводство населения СССР, с. 228.

[59] Понятие социальной нормы достаточно подробно охарактеризовано в специальной литературе. Оно «обозначает правило и модели поведения, санкционированные социальными группами» (см.: *Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971, с. 123).

Таблица 4.19

Фактическое, ожидаемое и идеальное число детей в семье в Латвийской ССР в зависимости от места жительства супругов

Место жительства	Среднее число детей в семье			Соотношения показателей, %		
	фактическое	ожидаемое	идеальное	ожидаемого и фактического	идеального и фактического	идеального и ожидаемого
Республика в целом	1,39	1,78	2,12	128	153	119
Городские поселения	1,29	1,68	2,05	130	159	122
в том числе:						
Рига	1,19	1,59	2,02	134	170	127
другие города	1,42	1,78	2,09	125	147	117
Сельская местность	1,68	2,07	2,33	123	139	113

представление о семье с тремя и более детьми как наилучшей[60]. Доля женщин, намеренных формировать такие семьи, была значительно ниже — 12%. Лишь 8% женщин идеальной считали однодетную семью, но более $^1/_4$ опрошенных были намерены ограничить формирование своих семей одним ребенком (табл. 4.18).

Опрос мнений женщин позволяет предполагать, что имеются определенные различия в социальных нормах детности по зонам республики. В восточной зоне, где брачная рождаемость наивысшая, идеальное число детей было также выше. Наиболее низкое оно у женщин центральной (рижской) зоны, где более $^4/_5$ респондентов высказались за одно- или двухдетную семью.

Большое теоретическое и практическое значение имеет изучение сочетания фактического числа детей в семье с мнениями об ожидаемом, желаемом и идеальном числе детей. Наличие тесной связи между фактическим, ожидаемым и идеальным числом в нашем обследовании подтверждается при различных группировках. Хорошо эта связь проявляется по такому дифференцирующему фактору, как место жительства (табл. 4.19), национальность и др. Так, коэффициент ранговой корреляции (Спирмэна) между фактическим и ожидаемым числом детей

[60] По данным обследования «СССР-1969», значительно большая часть женщин, чем в нашем обследовании, отдала предпочтение трехдетной семье (соответственно 40 и 16%). Более высокие эта доля и среднее идеальное число детей были установлены и последующими обследованиями, организованными в Латвийской ССР в конце 70-х годов. Такие различия частично могут быть объяснены исходя из использовавшейся методики. В некоторой степени этот сдвиг мог быть связан также с пропагандой в республике почетности материнства и важности повышения рождаемости.

в семье у женщин девяти различных национальностей составлял 0,73, фактическим и идеальным — 0,77.

Наличие тесной положительной связи между этими показателями позволяет сделать вывод, что у большинства женщин существует определенное представление об идеальном числе детей в семье, по образу которой она стремится построить собственную. Очевидно, совокупность таких представлений может быть воспринята как групповая (социальная) норма детности. Реальные же потребности супругов в детях[61] нередко отличаются от этих идеальных норм детности.

Расхождение идеального и желаемого (ожидаемого) числа детей в конкретных условиях, на наш взгляд, определяет некоторый резерв повышения рождаемости[62]. В городах, особенно в крупнейших, этот резерв, по-видимому, больший, нежели в сельской местности. Следовательно, можно предположить, что устранение или смягчение влияния ряда причин может способствовать сокращению дистанции между социальными нормами детности и реализуемыми потребностями семей в детях. Можно полагать,

[61] Некоторые исследователи (например, А. Г. Вишневский, П. А. Эглите) отрицают существование у человека социальной потребности в детях и возможность найти рациональное объяснение индивидуального демографического поведения (см.: *Вишневский А. Г.* Социальная детерминация рождаемости: мотивационный аспект. — В кн.: Социально-экономические особенности воспроизводства населения в условиях развитого социализма. Киев, 1976, т. 1, с. 61; *Эглите П. А.* Иерархия потребностей и репродуктивное поведение. — В кн.: Проблемы уровня жизни и демографии. Рига, 1979, с. 169). Л. Е. Дарский в своих последних работах концепцию потребностей в детях трактует как «неплодотворную», ибо «логическое развитие этой концепции приводит к абсурду». По его же мнению, плодотворной и внутренне непротиворечивой является концепция, согласно которой дети рассматриваются как средство удовлетворения потребностей человека (см.: *Дарский Л. Е.* Детерминанты и факторы репродуктивного поведения семей. — В кн.: Демографическое поведение семей, с. 3—4). По нашему мнению, потребность в детях занимает важное место в структуре потребностей индивида. Существует, однако, проблема измерения индивидуальной (семейной) потребности в детях. При этом мы разделяем мнение В. В. Бойко, считающего, что «потребность в детях есть не свойство индивида», «а устойчивое социально-психологическое состояние переживания индивида» (см.: *Бойко В. В.* Малодетная семья, с. 49).

[62] Формулировка вопроса об идеальном числе детей («Сколько детей по мнению опрашиваемой лучше всего иметь в семье?») в нашем обследовании в большей мере, чем в ряде других обследований, ориентировала респондентов на выявление оптимального числа детей в семье в современных условиях в данной социальной среде. Например, в обследовании «СССР-1969» формулировка вопроса была более абстрактной: «Как Вы думаете, сколько детей лучше всего *вообще* (курсив наш. — *Авт.*) иметь в семье?» Различия в формулировках вопросов могут быть одной из основных причин расхождения полученных средних величин идеального числа детей (соответственно 2,12 и 2,60). На выявление всеобщего идеала мы ориентировались при проведении экспериментального обследования студентов в 1978 г. В результате было получено высокое значение среднего идеального числа детей для студентов — 2,88, в том числе для состоящих в браке студенток — 2,77. Согласно данным другого обследования — «Латвия-1979», среднее идеальное число у студенток, имеющих детей, составило 2,34, а у мужчин-студентов, имеющих детей, — 2,49.

Таблица 4.20

Распределение молодоженов в Латвийской ССР по идеальному и планируемому числу детей в семье (1975 г.)

Число детей в семье	Доля молодоженов, назвавших данное число детей, %			
	планируемым		идеальным	
	женихи	невесты	женихи	невесты
0	0,7	1,2	0,4	0,1
1	21,7	20,4	6,2	5,4
2	60,9	64,1	59,3	63,0
3	14,1	12,2	29,2	26,8
4 и более	2,6	2,1	4,9	4,7
Всего	100	100	100	100
Среднее число детей в семье	1,98	1,95	2,34	2,33
Энтропия распределений	1,525	1,464	1,485	1,420
Относительная энтропия ($n=7$)	54,3	52,1	52,9	50,6

что максимальное содействие удовлетворению социально обусловленной потребности семей в детях одновременно способствовало бы формированию у многих супругов установки (для своей среды) иметь в идеале большее число детей, чем в настоящее время. На это косвенно указывает рост средних значений идеального и желаемого числа детей в семье, выявленных при опросах населения в Латвийской ССР в конце 70-х и начале 80-х годов[63].

Следует все же сделать оговорку, что прямой вопрос об идеальном числе детей не направлен на выявление мнений индивида о нем самом, его репродуктивном поведении. Он ориентирует нас «на нечто такое, что находится за пределами индивидуального поведения, а среднестатистические величины идеального числа детей в семье отражают суммарное мнение индивидов, но не нормы детности, как иногда думают»[64].

Несомненный интерес представляет изучение семейных планов в начале супружеской жизни. Особое значение выяснение репродуктивных установок имеет для прогнозирования рождаемости в молодых семьях. В результате проведенного в 1975 г. обследования женихов и невест впервые в Латвии были получены сведения для познания репродуктивных установок вступающих в брак в возрасте до 35 лет (табл. 4.20).

[63] См., напр.: Факторы и мотивы демографического поведения, с. 116, 231; *Тростина В. В.* Моделирование формирования семьи в Латвийской ССР по данным опроса женщин. — В кн.: Современные проблемы воспроизводства населения. Рига, 1980, с. 144.

[64] *Антонов А. И.* Социология рождаемости, с. 155—156.

Опрошенные высказались в основном за семьей с двумя детьми. Более 60% молодоженов считали идеальной двухдетную семью, примерно столько же планировали иметь двоих детей в своих семьях. Практически не было молодоженов, особенно среди вступающих в брак впервые, которые считали идеальной бездетную семью. Это говорит о том, что в системе ценностей молодоженов дети занимают значимое место. 29% женихов и 32% невест идеальной считали семью с тремя и более детьми. Правда, в своих семьях респонденты предпочитали иметь меньшее число детей. Среднее идеальное число детей, по мнению женихов из пар первобрачных, составило 2,35, по мнению невест — 2,33; в парах, вступающих в брак повторно, — соответственно 2,37 и 2,36. Среднее планируемое ими число детей было соответственно на 15—16% меньше. Таким образом, если молодые супруги будут придерживаться высказанных ими мнений, то в республике и в дальнейшем можно ожидать суженный режим воспроизводства населения.

Планируемое респондентами среднее число детей в семье (1,98 и 1,95) надо рассматривать как высокий вариант семейных прогнозов. Такой вывод основывается на том факте, что сами опрашиваемые в своем большинстве не представляли собственного состояния физиологической плодовитости. Если внести коррективы в это число, учитывая бесплодие, то фактически ожидаемое число детей будет меньшим. Так, доля супругов, которые вовсе не будет иметь детей, окажется в пределах от 4 до 7% вместо планируемого 1%. Завышены репродуктивные возможности и вследствие вторичного бесплодия. Следовательно, часть супругов не будут иметь планируемых вторых и последующих детей. Кроме того, на понижении ожидаемой величины среднего числа детей в семье скажется расторжение браков и смертность респондентов[65].

Несмотря на большое значение исследований семейных планов вступающих в брак, которые в ближайшие годы будут определять своим поведением общий уровень рождаемости в республике, результаты подобных опросов нельзя не воспринимать критически. Опыт семейной жизни, несомненно, оказывает значительное корректирующее влияние на первоначальные планы и представления вступающих в брак. Ряд ретроспективных исследований, проведенных в СССР (в Москве) и в зарубежных странах (ВНР, США и др.), показывает, что значительная доля респондентов при вступлении в брак не думали о том, сколько детей собираются иметь в семье.

[65] Разумеется, определенная часть разведенных и овдовевших повторно вступят в брак. В условиях низкой рождаемости и смертности роль этих факторов в формировании общего уровня рождаемости нельзя преувеличивать, но на показателях кумулятивной и суммарной рождаемости данной совокупности семей они скажутся определенно.

В нашем обследовании 13,5% женихов и 13,7% невест не смогли количественно определить то число детей, которое они собираются иметь в семье. Их заметно больше, чем количество состоящих в браке женщин, ответивших неопределенно на аналогичный вопрос при обследовании «Латвия-1967» (9,1%). На вопрос об идеальном числе детей в семье нами получено меньше неопределенных ответов как среди молодоженов (7,5% женихов и 7,1% невест), так и среди замужних женщин (5,7%). Обследованием «СССР-1969» подтверждается закономерность, что в республиках с низкой рождаемостью на вопрос об ожидаемом числе детей больше неопределенных ответов, чем на вопрос об идеальной семье. Очевидно, респонденты с небольшим предпочтительным числом детей чаще затрудняются прогнозировать развитие своих семей вследствие того, что в удовлетворении потребностей человека дети имеют относительно небольшое значение, а препятствующих осуществлению семейных планов факторов больше (например, выше риск развода, смены места жительства и др.).

Серьезной проблемой демографической науки является выяснение непосредственных причин перехода от норм многодетности к нормам среднедетности и малодетности. Автор разделяет точку зрения тех ученых, которые считают, что эта эволюция обусловливается изменением в иерархии человеческих потребностей, вызванным социально-экономическим прогрессом общества. Это процесс объективный, предопределяющий историческую направленность демографического перехода.

В иерархической многоуровневой системе человеческих потребностей значительное место принадлежит потребностям в детях. Содержание последних определяется основными функциями брака и семьи, необходимость которых обусловливается потребностью общества в воспроизводстве населения[66]. Функции семьи, в первую очередь социальная, экономическая, демографическая и психологическая, определяют структуру потребностей личности в детях.

Исследования по выяснению конкретного содержания потребностей человека в детях представляются очень плодотворными. Мы в принципе разделяем мнение А. И. Антонова о том, что можно выделить три уровня репродуктивных мотивов (социальный, экономический и психологический), «каждый из которых может быть представлен целым набором конкретных мотивов»[67].

[66] По данным обследования, проведенного в Латвийской ССР в 1978—1979 гг., 41% женщин и 34% мужчин в Риге и соответственно 49 и 40% в малых городах республики признали семейное счастье и детей наиважнейшими из жизненных ценностей. Причем при росте числа детей значимость семьи как жизненной ценности увеличивается (см.: *Сикс Ю. П.* Субъективные оценки материально-жилищных условий как фактора ограничения детности. — Изв. АН ЛатвССР, 1982, № 4, с. 43).

[67] *Антонов А. И.* Потребность семьи в детях. — В кн.: Демографическое поведение семей, с. 90. По нашему же мнению, следует говорить также о медико-биологических мотивах, так как нередко мотивом рождения выступают улучшение здоровья и благоприятное развитие женского организма.

Мотивы рождения характеризуют смысл рождения ребенка, состоящий в том, что ребенок оказывается средством для достижения определенных личных целей родителей (независимо от степени осознанности ими этих целей). Отсюда видно, какая роль в изучении репродуктивных установок и рождаемости вообще принадлежит познанию репродуктивных мотивов индивидов.

Снижение дифференциации рождаемости по социально-экономическим признакам привело к тому, что ряд советских и зарубежных демографов при изучении различий в уровнях рождаемости на первый план выдвигают личностные, индивидуальные характеристики родителей. Так, Л. Е. Дарский отмечает, что «основными дифференцирующими факторами в настоящее время являются факторы субъективные, в противовес факторам объективным, доминировавшим в прошлом»[68]. Несмотря на рост значения субъективных факторов в репродуктивном поведении, роль социально-экономических факторов в дифференциации рождаемости, как было показано выше, еще весьма заметна. Следует учитывать и социально-экономическую обусловленность мнений и желаний.

Мотивация поведения человека — сложная проблема социальной психологии. Что касается мотивов репродуктивного поведения, то изучение их — новый раздел советской демографии.

Одна из первых попыток изучения мотивов репродуктивного поведения в Латвийской ССР была осуществлена при анализе материалов обследования мнений женщин уже в конце 60-х годов. Кроме вышеупомянутого третьего вопроса в обследовании «Латвия-1967» два вопроса с такой целью были включены в анкету обследования «Латвия-1968»: «Почему не желаете родить в настоящее время?», «Какие условия Вам нужны, чтобы иметь в семье троих детей, если их теперь у Вас меньше?» В анкете проведенного обследования в трех городах в 1978—1979 гг. был вопрос: «Если у Вас есть дети, то какие обстоятельства препятствуют увеличению их числа в Вашей семье?», а в анкете обследования, организованного Латвийским отделением НИИ ЦСУ СССР в 1979 г., был вопрос: «При каких условиях Вы бы хотели иметь еще одного ребенка?»

При оценке ответов женщин, конечно, следует иметь в виду, что выяснялись их мнения о причинах ограничения деторождения. Указанные женщинами мотивы нельзя воспринимать как адекватное отражение действительных причин, по которым женщины не хотят иметь больше детей вообще или в настоящее время. Одновременно эти ответы представляют научный интерес как выражение их субъективных взглядов и являются существенной дополняющей фактологической информацией для изучения действительных причин ограничения рождаемости.

[68] *Дарский Л. Е.* Детерминанты и факторы репродуктивного поведения. — В кн.: Демографическое поведение семей, с. 9.

При изучении мотивов ограничения рождаемости в совокупности обследованных («Латвия-1967») мы выделили две группы женщин:

1) не желающие иметь детей вовсе или желающие ограничиться уже имеющимся их числом;

2) не желающие иметь детей в настоящее время, но планирующие иметь через некоторое время (при определенных условиях).

Более половины женщин, считавших формирование своих семей законченным, ссылались на удовлетворенность имеющимся числом детей и на причины медицинского и биологического характера. Сравнительно небольшая доля женщин считали формирование семьи законченным из-за причин материального характера. Это и понятно, ибо у значительной части женщин фактическое число детей совпадало с желаемым и с идеалом[69]. Женщины, высказавшие удовлетворение имеющимся числом детей, в среднем имели 2,14 детей. По городам эта величина была ниже — 2,02 (в Риге 1,96), а в селах выше — 2,42.

Большое теоретическое и практическое значение имеет изучение условий, при которых женщины намерены рожать «через некоторое время». Значительная часть женщин откладывает рождение детей из-за недостаточной обеспеченности жилплощадью и затруднениями при устройстве детей в детские дошкольные учреждения. На первый из названных мотивов наиболее часто ссылались городские женщины, на второй — сельские.

Распределение названных женщинами мотивов при временном ограничении деторождения во многом зависит от возраста и уже имеющегося числа детей в семье. Среднее число детей у этой группы женщин в 1,5 раза меньше, чем у женщин первой группы.

Более молодые по возрасту женщины мотивами временного ограничения деторождений чаще называли «занятость на работе» (или учебе), «затруднение устроить ребенка в детское учреждение» и особенно — «недостаток жилой площади». При увеличении числа уже имеющихся детей в семье женщины чаще ссылались на «материальные трудности», «затруднения устроить ребенка в детское учреждение».

[69] Некоторые авторы (В. А. Белова, А. И. Антонов и др.) считают, что вопрос о причинах, мешающих иметь детей, для первой группы женщин «лишается всякого смысла, ибо главной «помехой» оказывается само существование норм малодетности». В действительности, с позиций концепции потребности в детях, не совсем логично выяснять мотивы ограничения деторождения, если потребность в большем числе детей вообще не имеется. Считаем, однако, что такой опрос может быть одним из путей выявления потребностей в детях. Если у женщины определенно существует норма детности, которой она уже достигла, для нее не составит трудности ответить на подробный вопрос («удовлетворенность имеющимся числом детей»). Одновременно мы разделяем мнение А. И. Антонова о большой целесообразности опроса женщин (индивидов) о мотивах рождения детей определенной очередности.

Таблица 4.21

Отношение женщин Латвийской ССР к рождению третьего ребенка в зависимости от возраста и числа уже имеющихся у них детей, %

Число детей в семье	Желающие иметь троих детей: независимо от условий	Желающие иметь троих детей: при определенных условиях	Не желающие иметь троих детей ни при каких условиях
До 25 лет			
0	25,0	54,8	20,2
1	19,5	46,6	33,9
2	8,6	43,8	47,6
25—34 лет			
0	24,7	50,5	24,8
1	17,1	43,5	39,4
2	5,0	37,5	57,5
35 лет и старше			
0	22,7	45,5	31,8
1	5,2	33,9	60,9
2	2,8	23,6	73,6

Одной из задач обследования «Латвия-1968» было выявление отношения женщин к рождению третьего ребенка. Исследование показало, что с увеличением возраста замужних женщин (числа детей в семье) повышается доля женщин с отрицательным отношением к рождению третьего ребенка (табл. 4.21). При наличии двоих детей в семье женщины чаще высказывались против рождения третьего ребенка. Лишь незначительная их часть желали иметь третьего ребенка независимо от условий: от 2,8% в старших возрастах до 8,6% в возрасте до 25 лет.

Понятно, что для бездетных или имеющих одного ребенка женщин вопрос об условиях, необходимых для рождения третьего ребенка, был более абстрактным, чем для женщин, уже имеющих своих детей. Для последних этот вопрос был насущным, и их ответы наиболее ценны для разработки определенных мероприятий по повышению рождаемости.

Из числа имеющих двоих детей половина женщин, проживающих в селах, и $^2/_3$, проживающих в городах, вообще не хотели иметь троих детей «ни при каких условиях», т. е. у них явно отсутствовала потребность в третьем ребенке. Менее 5% женщин, имеющих двоих детей, желали иметь третьего ребенка независимо от каких-либо специальных условий. Женщины, планирующие иметь в дальнейшем третьего ребенка, на первое место ставили улучшение жилищных условий и материального положения семьи. Заметный рост материального благосостояния

населения в 70-х годах отодвинул на второй план роль «чисто» материальных условий, что было выявлено последующими обследованиями. Так, например, по данным обследования в 1978—1979 гг. в малых городах основными мотивами отсрочки появления или отсутствия детей в семье были мотивы социально-биологического характера. Высока была также частота ссылок на социально-психологические обстоятельства[70].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что интенсивное ограничение рождений имеет самые различные причины, связанные с низкой потребностью индивида (семьи) в детях. Укрепление норм малодетности и установка против среднедетности и многодетности хорошо проявляются в низких значениях предпочтительного числа детей в семье и факте, что почти $^{2}/_{3}$ женщин, имеющих двоих детей, не хотели иметь третьего ни при каких условиях. Отсюда следует, что воздействие на рождаемость с целью ее повышения связано с большими трудностями. Одновременно изучению структуры мотивации ограничения рождаемости и самих репродуктивных желаний молодых семей выявляет ряд устранимых или условно устранимых причин (неполная обеспеченность детскими учреждениями, недостаток жилой площади и др.). В обследованиях мнений проявляется значимость таких условий, как недостаточная развитость ряда видов бытового обслуживания, семейные неполадки, нехватка свободного времени, рост психических перегрузок, страх перед родами и др. Хотя желания и потребности большинства индивидов всегда будут обгонять реальные возможности их удовлетворения, проведенные исследования мнений убеждают, что устранение ряда причин или же смягчение влияния их путем проведения специальных мер способствовало бы некоторому росту интенсивности рождаемости в Латвийской ССР. Причем особую роль в этом могут сыграть и меры по формированию потребности семьи в двоих-троих детях.

4.5. ПРОГНОЗЫ РОЖДАЕМОСТИ

Формирование будущего режима рождаемости как определяющего компонента режима воспроизводства населения зависит от многообразия условий, в которых живет и будет жить изучаемое население. Определение будущего уровня рождаемости является чрезвычайно важной и очень сложной проблемой. Для суждения об этом следует принимать во внимание возможные изменения существующего уровня рождаемости вследствие сдвигов в социально-экономическом развитии общества, в структуре населения и в репродуктивных нормах поведения. Разумеется, успешное прогнозирование рождаемости в значительной мере

[70] См., напр.: Факторы и мотивы демографического поведения, с. 122.

зависит от того, насколько точно будет предусмотрено развитие важнейших факторов, под влиянием которых происходит эволюция процесса рождаемости.

Из предыдущего анализа, например, вытекает, что дальнейшее развитие процесса урбанизации будет способствовать понижению уровня рождаемости в Латвийской ССР в целом[71]. В таком же направлении в ближайшей перспективе будет действовать фактор роста образования населения. Нет, однако, оснований ожидать сколько-нибудь существенных сдвигов в уровне рождаемости из-за перемен в этническом составе населения. Повышению рождаемости в незначительной мере может способствовать предполагаемый рост материального благосостояния населения, в том числе его бытового обслуживания, улучшение обеспеченности дошкольными учреждениями и совершенствование режима труда женщин, а в некоторой степени и понижение уровня вторичного бесплодия (как результат уменьшения количества абортов).

Основываясь на материалах исследования объективных и субъективных факторов рождаемости и прогнозах изменений в социально-экономической и демографической структурах населения, мы считаем, что ощутимых изменений в уровне рождаемости в перспективе ожидать не следует. Такой вывод вполне согласуется с теоретической конструкцией демографического перехода.

Из сказанного, однако, не вытекает, что в уровне рождаемости в Латвийской ССР не ожидается вообще никаких изменений. Разумеется, если республика встанет на путь еще более активного стимулирования рождаемости, то вполне можно рассчитывать на дальнейший ее рост в ближайшей перспективе.

Вероятнее всего, предстоящая динамика рождаемости будет различной в различных слоях и демографических группах населения. Например, вряд ли следует ожидать понижения уровня рождаемости у горожан с более высоким уровнем образования, отличающихся уже сейчас очень высокой степенью малодетности. Очевидно, можно также предполагать, что будет происходить дальнейшее омоложение рождаемости и некоторый рост ее показателей в возрасте до 22—24 лет. Не вызывает сомнений гипотеза о понижении рождаемости в ближайшей перспективе в старших возрастах женщин, но такое снижение имеет свой предел, и маловероятно, что такая тенденция сохранится в течение даже двух-трех ближайших десятилетий.

Чтобы получить представление о предстоящей динамике общего уровня рождаемости, необходимого для выявления

[71] Понижение доли сельского населения указывает на то, что возможность поддерживания сколько-нибудь удовлетворительного уровня рождаемости в республике только за счет более высокой рождаемости сельского населения постепенно снижается. Следовательно, проблема рождаемости становится преимущественно проблемой городского населения.

снижение смертности населения. Такой курс на активизацию демографической политики более четко был взят XXVI съездом КПСС. Важные аспекты такой политики раскрываются как в материалах съезда, так и в специальном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» (1981 г.)[59].

Прошло лишь несколько лет после осуществления ряда комплексных мер демографической политики, однако уже можно говорить о первых положительных результатах этой политики. Прежде всего следует подчеркнуть, что повысилась престижность материнства и отцовства, семьи. Приостановлена тенденция ухудшения демографической ситуации по ряду важных показателей. Несколько уменьшилась частота разводов, повысились показатели рождаемости и естественного прироста населения, заметно уменьшилась младенческая смертность.

Разумеется, генеральный эффект может проявиться только при более длительном наблюдении и при обязательном учете качественных характеристик развития населения. И все же задача улучшения демографической ситуации в Латвийской ССР и планомерного формирования оптимального типа воспроизводства остается по-прежнему актуальной. Уже сегодня очевидной становится необходимость в системном подходе к регулированию развития населения и потребность иметь комплексную долгосрочную программу развития населения СССР (КДПРН) как важнейшего компонента программного подхода к решению сложных социальных задач в стране. Причем такую программу следует рассматривать как органическую часть перспективного плана социального и экономического развития СССР.

Имеются два подхода к решению и построению КДПРН. Первый подход заключается в составлении единой программы управления развитием населения всей страны, а второй основывается на системе взаимосвязанных региональных программ. Разработка теоретических и организационных основ КДПРН осуществляется по Плану важнейших научно-исследовательских работ на двенадцатую пятилетку, утвержденному Госпланом СССР, ГКНТ, АН СССР и Минвузом СССР. В этой разработке участвуют и специалисты Латвийской ССР.

Как отмечает Р. В. Татевосов, с практической точки зрения на данном этапе разработок Программы разработка основ оптимального межрайонного развития населения представляется предпочтительной[60]. По-видимому, он прав, ибо в решении демографических проблем не должно быть необоснованных рекомендаций. В масштабе страны ряд существенных вопросов разработки КДПРН даже в теоретическом плане еще не разрешены. Рекомендации ученых не обобщены ни в методологическом, ни в эмпирическом аспектах. Опыт же реализации ряда региональных (частных) программ (Латвийская ССР, Башкирская АССР, Москва) позволяет заключить, что в их основе лежит комплекс мер, в принципе не противоречащих общесоюзным интересам в области создания оптимального типа воспроизводства населения. Одновременно следует указать на необходимость ускорения разработок методологических и организационных основ создания КДПРН СССР.

По решению правительства Латвийской ССР, в 1983 г. в республике впервые в стране начата разработка комплексной среднесрочной программы «Население Латвийской ССР на 1986—2000 г.». Это привело к расширению фронта работ в этой области и к постановке ряда новых практических задач, решение которых, очевидно, приведет к качественным сдвигам в развитии семьи и всего населения.

[59] СП СССР, 1981, № 13, ст. 75.

[60] См.: *Татевосов Р. В.* Актуальные вопросы регионального управления развитием народонаселения. М., 1982, с. 8.

* * *

Подводя итоги заключительной главы и всего исследования, можно сделать вывод, что в Латвийской ССР осуществлен переход к режиму воспроизводства населения с низкой интенсивностью рождаемости и смертности. В режиме и типе воспроизводства заметных сдвигов в перспективе не ожидается. В этом плане республика может служить своего рода моделью для других союзных республик (регионов), где демографический переход продолжается.

Исследование позволило заключить, что демографическая ситуация в Латвийской ССР все же далека от желаемой (оптимальной) и требует активных и действенных мер, направленных на сознательное регулирование по существу всех демографических процессов и создание устойчивых во времени характеристик развития населения, отвечающих долгосрочным интересам современного советского общества, семей и индивидуумов.

Авторы надеются, что данным исследованием будет внесен определенный вклад в изучение объективных закономерностей демографического развития в Советской Латвии.

ОГЛАВЛЕНИЕ